

Неизвестно, сколько времени прошло, но в конце концов небо не выдержало тяжести дождя и обрушило его на землю. К счастью, осенний дождь не был столь яростным, как летние ливни. Сначала лишь несколько капель, подхваченных ветром, коснулись лица Ли Гуаньцзина. Ускорив шаг, он успел добраться до поля до того, как дождь усилился. У края поля стояла простенькая соломенная беседка, где крестьяне отдыхали во время ночных дежурств. Хоть соломенные шторы и не могли удержать тепло, они хотя бы немного защищали от ветра, а внутри беседки были сложены стога сена, которые помогали укрыться от холода и дождя. Ли Гуаньцзин вошёл в беседку, аккуратно посадил Ду Фуюня на землю, затем разобрал один из стогов, сделав из сена подобие гнезда. Сняв верхнюю одежду, он расстелил её внутри, после чего уложил туда Ду Фуюня.

Закончив с этим, Ли Гуаньцзин почувствовал, что силы покидают его. Инстинктивно он хотел лечь рядом, но разум остановил его: если он ляжет сейчас, то вряд ли сможет подняться в ближайшее время. Собрав последние силы, он наклонился, чтобы осмотреть раны Ду Фуюня.

Одежда Ду Фуюня была изорвана в нескольких местах, и под каждым разрезом виднелась рана от меча. Самая серьёзная была на левом плече — там его проткнули насквозь, и кровь всё ещё сочилась. У Ли Гуаньцзина не было с собой лекарств, но в прошлой жизни он изучал основы первой помощи. Полагаясь на смутные воспоминания, он отрезал подолы одежды обоих и, собрав всё воедино, перевязал все раны. Пока он занимался этим, Ду Фуюнь снова погрузился в забытье. Ли Гуаньцзин прикоснулся к его лбу и почувствовал жар. Снаружи дул холодный ветер, а внутри тело теряло кровь. Опасаясь, что Ду Фуюнь не выдержит, Ли Гуаньцзин пробормотал: «Прости», — лёг рядом, укрыл их обоих плащом и стал согревать Ду Фуюня своим теплом.

Поначалу Ли Гуаньцзин ещё мог заставлять себя следить за состоянием Ду Фуюня, но вскоре веки его сомкнулись, пальцы перестали слушаться, и он, словно падая в пропасть, погрузился в глубокий сон.

Во сне царил кромешная тьма. Ли Гуаньцзин не понимал, где находится, и не помнил, что произошло, но он знал, что это сон и что ему нужно срочно проснуться. Однако он был слишком измотан и вместо этого погрузился в ещё более глубокий сон. В тот момент, когда его сознание боролось за пробуждение, перед глазами мелькнул свет, а в ушах зазвучал шум дождя. Ли Гуаньцзин наконец открыл глаза. Он смотрел вперёд, ошеломлённый, и через несколько мгновений вспомнил, что произошло перед сном. Руки его были пусты. Он резко поднялся, увидев источник света.

Ду Фуюнь развёл огонь в беседке. Он сидел у стога сена, безучастно глядя на пламя, его лицо было бледным.

Неизвестно, было ли это из-за раннего времени или из-за пасмурной погоды, но снаружи было не так темно, но и не слишком светло. Ветер стих, но дождь усилился. По небу было трудно определить, который сейчас час.

— Как ты себя чувствуешь? Почему встал? Ложись отдыхать, я присмотрю за огнём.

Ду Фуюнь посмотрел на него, и в его взгляде появилась ясность, сменившая прежнюю туманность. Он спокойно ответил:

— Ничего страшного, я уже давно сплю.

— Что? Давно? Который сейчас час?

— Только что пропели петухи, должно быть, конец часа Быка, начало часа Тигра.

Ли Гуаньцзин почувствовал стыд. Он пришёл спасать, а сам крепко уснул, позволив раненому встать и развести огонь. К тому же Ду Фуюнь укрыл его своим плащом и верхней одеждой, а сам укрылся только сеном. Ли Гуаньцзин увидел, что кровь на одежде Ду Фуюня уже высохла, но, зная, что он тяжело ранен и наверняка мёрзнет, надел свою верхнюю одежду, затем плотно укутал Ду Фуюня плащом и добавил сена у его ног.

Ду Фуюнь наблюдал, как Ли Гуаньцзин заботится о нём, и, когда тот пристроился рядом, слегка дрогнув, не сдержавшись, спросил:

— Почему ты вернулся?

Ли Гуаньцзин остановился, поднял взгляд на Ду Фуюня.

Тот спокойно смотрел на него и тихо произнёс:

— Ты тогда разозлился, должен был уйти.

Ли Гуаньцзин нахмурился:

— Значит, ты нарочно хотел, чтобы я ушёл?

Ду Фуюнь отвёл взгляд, снова посмотрев на огонь. Помолчав, он наконец сказал:

— Это связано с партийной борьбой. Ввязываться в это не стоит.

— Я не собираюсь ввязываться ни в какую борьбу, я просто хотел помочь тебе, — с досадой ответил Ли Гуаньцзин. — Посмотри, если бы я не вернулся, ты бы сегодня выжил?

Ду Фуюнь смягчил выражение лица, опустил глаза и тихо улыбнулся:

— В таком случае, эта жизнь отныне принадлежит Цзинтяню.

Ли Гуаньцзин поперхнулся, с изумлением посмотрев на Ду Фуюня. Тот же вёл себя так, будто не понимал, что его слова могут быть истолкованы неверно. Ли Гуаньцзин решил, что у него жар, и не стал продолжать разговор, только спросил:

— Я видел, что ты был тяжело ранен. Почему не разбудил меня, а сам встал и возился?

— Холодная ночь помогает сбить жар, но если спать слишком долго, можно переохладиться. У меня серьёзно ранено только левое плечо, правая рука в порядке, вот я и развёл огонь.

Ли Гуаньцзин вспомнил, как крепко обнимал Ду Фуюня перед сном, и слегка смутился, объяснив:

— Ты прав, я тоже об этом подумал, потому и обнял тебя, чтобы согреть.

В глазах Ду Фуюня мелькнула едва заметная улыбка, и он тихо кивнул.

Ли Гуаньцзин, видя, что Ду Фуюнь выглядит усталым, предложил:

— Я выспался, а ты ложись ещё немного.

Ду Фуюнь промолчал.

Ли Гуаньцзин ждал какое-то время, но, не выдержав, обернулся, чтобы сказать что-то ещё, как вдруг почувствовал тяжесть на плече. Оказалось, Ду Фуюнь уже уснул, его голова склонилась на плечо Ли Гуаньцзина. Тот с лёгким вздохом поправил плащ и тихо произнёс:

— Спи.

После того как Ду Фуюнь уснул, Ли Гуаньцзин, чтобы сохранить бодрость, начал спокойно обдумывать события дня.

Ранее в лесу капля крови упала на лицо Ли Гуаньцзина, что означало, что человек на дереве тоже был ранен. Он и Ду Фуюнь скрывали свои следы, вероятно, ожидая, что противник первым выдаст себя, чтобы получить преимущество. Появление Ли Гуаньцзина нарушило их противостояние, а его крик помог Ду Фуюню вырваться из ловушки. Именно реакция того человека подтвердила догадку Ли Гуаньцзина: это были люди Ли Цзина.

Ли Гуаньцзин никак не ожидал, что вместо помощи Ли Цзину он сам стал одним из препятствий на его пути. Эта мысль вызвала у него сильную боль. Ли Цзин был его близким другом, и он не должен был предавать его, но он также не мог оставить Ду Фуюня в опасности. Даже если бы ему пришлось выбирать снова, он всё равно вернулся бы. Ли Гуаньцзин долго мучился чувством вины, пока не понял, что если бы ситуация была обратной, он бы точно так же пошёл спасать Ли Цзина, ведь оба они были дороги ему.

Дороги...

Ли Гуаньцзин вдруг осознал, что Ду Фуюнь незаметно занял в его сердце столь важное место, что сравнялся с Ли Цзином, которого он знал многие годы! Он слегка повернул голову, видя лишь длинные ресницы Ду Фуюня, отбрасывающие тени на его лицо. Этот взгляд позволил Ли Гуаньцзину почувствовать разницу между Ду Фуюнем и Ли Цзином — приближение к Ли Цзину никогда не вызывало у него напряжения, но с Ду Фуюнем всё было иначе. Так близко к нему Ли Гуаньцзин чувствовал, как сердце начинает биться чаще, и если бы Ду Фуюнь сейчас открыл глаза, он бы, наверное, смущённо отпрянул.

Но чего он смущался?

Мысли Ли Гуаньцзина путались. Он то представлял на месте Ду Фуюня Цинь Цзыюя, то воображал, что это Чай Синь прислонилась к нему. Но кем бы он ни заменял Ду Фуюня, он не чувствовал бы такого удовольствия от того, что кто-то опирается на него. Сейчас он терпел онемение руки, не двигаясь, только потому, что это был Ду Фуюнь.

Ду Фуюнь был для Ли Гуаньцзина настолько особенным, что тот ценил его даже больше собственной жизни.

«Я думал, ты любишь мужчин, потому и не женишься!»

В голове Ли Гуаньцзина вдруг всплыла эта шутка Ли Цзина, и он словно прозрел, поняв, откуда взялись все эти сложные чувства.